

ЗАПИСЬ ШКОЛЫ ОБЩИНЫ С ХУЛИАНОМ КАРРОНОМ

Милан, 23 ноября 2016 г.

Текст: [Х. Каррон. Форма свидетельства](#)

- *Al mattino*
- *Cry no more*

Слава...

У нас нет недостатка в вызовах: землетрясение, выборы в Америке, выход Великобритании из Евросоюза, референдум в Италии. Кроме того, каждый из нас вынужден ежедневно сталкиваться с разнообразными личными вызовами, от болезней до ситуации на работе. Все они представляют собой возможность проверить то, что мы говорим друг другу о связи между принадлежностью и нашим самовыражением в культуре. В песне, которую мы только что услышали (надеюсь, в следующий раз все принесут песенники, и мы будем петь вместе), говорится: «Не плачь, ведь Тот, Кто стоит рядом с тобой, не оставил тебя» (R. Veras, R. Maniscalco. *Cry no more // Canti*. Milano: Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 325). Человек может выразить себя подобным образом лишь благодаря определенному типу принадлежности, ведь если мы не живем принадлежностью, позволяющей нам не плакать, то в обычных жизненных ситуациях мы плачем наравне с остальными. Мы сказали, что у истоков нашего культурного самовыражения лежит либо экзистенциальная неуверенность, либо уверенность, которая проявляется на наших глазах и на глазах окружающих прежде всего в нашем отношении к обстоятельствам. Каждый знает, как он встречал и встречает вызовы и, следовательно, мог выяснить, насколько верно то, о чем мы говорили в тексте «Форма свидетельства», цитируя отца Джуссани: «Я спрашиваю вас, разве проблема превращения веры в культуру, ее способности выражаться в культуре, породить культуру не связана в гораздо большей степени с уверенностью веры, нежели с умением претворять ее в культуру [с анализом, с интеллектуальными способностями]?» Именно это мы и должны проверить: благодаря чему мы выражаем себя на уровне культуры иначе, нежели все остальные? Письма, которые вы нам отправили, свидетельствуют о вашем желании лучше понять значение используемых нами слов: «свидетельство», «принадлежность», «желание», «уверенность», «задача» – все они встречаются в ваших вопросах. Чем дальше, тем больше мы осознаем, что не можем считать их чем-то само собой разумеющимся. Масштаб жизненных вызовов огромен, и уже недостаточно повторять лишь то, что мы уже знаем. И именно вызовы предоставляют нам возможность заново открыть глубокий смысл перечисленных слов.

Вот уже несколько недель я работаю над «Формой свидетельства» и хочу поблагодарить тебя за этот текст, потому что он пробудил во мне вопросы, которых раньше не было, а вместе с ними – и огромное желание понять. Ты в нем говоришь о принадлежности. Но что такое принадлежность? Объясню, откуда возник мой вопрос. На протяжении многих лет я путала принадлежность с маской, которую человек должен надеть на себя, и эта маска не позволяла проявиться моему «я». Принадлежность представлялась мне некой схемой, под которую необходимо подстроиться, и в таком виде она душила меня – настолько, что

не позволяла понять, по какому пути призвания следовать. Только восстав против такого видения принадлежности, я начала понимать, кто я и чего по-настоящему хочу, и глубже постигла значение слов «сердце», «разум» и «желание», на которых всегда так настаивал отец Джуссани. Однако даже и теперь, десять лет спустя после того как я окончательно приняла определенную форму призвания, вопрос о принадлежности остается открытым. Мне недостаточно того, что, как мне кажется, я уже поняла, ведь жизнь постоянно ставит передо мной новые вызовы, и я не хочу столкнуться с ними неподготовленной. Всегда есть риск несообразно ответить на них. Спасибо за твое присутствие. Ты для меня – настоящий оплот верности харизме отца Джуссани и великое утешение в вере.

Как ты сказала, вызовы жизни постоянно побуждают нас лучше разобраться в природе нашей принадлежности и значении связанных с ней великих слов, которые мы повторяем. Отсюда и огромное желание дойти до самой сути основополагающих понятий. Нам больше недостаточно того, что мы уже знаем. Причина тому – вызовы, ведь, не проникая все глубже в смысл того, о чем мы говорим, я оказываюсь неподготовленным. Часто причина, по которой нам хочется понимать больше, именно в этом: мы неподготовлены перед лицом вызовов. Существует связь между встающими перед нами вызовами и пониманием слов, присущих харизме. Если бы действительность не провоцировала нас снова и снова, мы удовольствовались бы повторением привычных фраз. Но так не происходит. Вызовы не являются чем-то случайным: по утверждению отца Джуссани, они играют решающую роль в понимании, и, следовательно, только принимая их всерьез, мы действительно можем что-то понять. Ты хочешь прояснить для себя вопрос о принадлежности. Каждый из нас видит в нем вызов для себя и задумывается о том, что ответил бы на него. С этого начинается наша работа. Мы тут для того, чтобы быть не просто зрителями, а действующими лицами происходящего. Пусть не все выступают (невозможно предоставить слово всем), но тем не менее мы можем стать главными героями, если каждый из нас в это самое мгновение спросит себя: «Что я думаю о принадлежности?» Поступая подобным образом, намечая некий ответ, мы можем затем сравнить эту нашу попытку ответа с тем, что выявляется в опыте, о котором мы услышим сегодня вечером. Если мы так участвуем в наших встречах, то перед нами открывается путь. Чтобы мы начали понимать, коротко скажу о принадлежности словами отца Джуссани в надежде, что потом, по мере работы, ваши выступления дополнят картину. «Принадлежность есть образующее измерение человеческого “я”. Мы были ничем, и вот мы есть... [что значит] мы принадлежим Другому, мы зависимы, мы принадлежим Другому!» Можно было бы на этом и закончить. Однако Джуссани идет дальше: «Понять это [очевидно, что мы все зависимы, поскольку никто не творит себя сам] можно только в свете судьбоносного события, исполненного жалости и любви. [Именно событие помогает мне понять ответ на вопрос]. Событие это может выражаться через харизму – определенный способ, с помощью которого Бог дает тебе понять, что ты принадлежишь Ему». Только отдавая себе отчет в том, что ты принадлежишь Христу в рамках конкретной истории, увлекшей тебя, ты сможешь увидеть, действительно ли эта история порождает «я», способное устоять перед лицом любого вызова. «Вот почему отдаляясь от события, то есть от харизмы, от той формы, с помощью которой Бог передал тебе истину [о твоей зависимости от Другого], ты неизбежно предаешь саму эту истину. Благодать – дар, посредством которого Бог позволяет произойти событию, открывающему тебе твою принадлежность» (L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Torino: SEI, 1995. P. 203).

Недавно я вернулся из Казахстана, где навещал друзей, и меня особенно поразила одна история, по-моему неотрывно связанная с тем, о чем мы говорим в последнее время. У нас есть подруга-мусульманка, которая вместе с другой нашей подругой вот уже десять лет работает

в молодежном центре, оказывая помощь беженцам и семьям людей с ограниченными способностями. Примерно двадцать лет назад ее отец оставил семью и ушел жить к другой женщине, за что она возненавидела его и больше не хотела видеть. Так на протяжении многих лет между ней и отцом была стена: стена из молчания, из нежелания видеть его, смотреть на него, из неспособности смотреть на сложившуюся ситуацию. Однако после десяти лет, проведенных в центре и в компании друзей, ей в голову пришла мысль, почти сомнение: возможно, детство, которое выпало на долю ее отца (сразу после появления на свет родители отдали его на воспитание другой паре), не позволило ему адекватно смотреть на действительность, также и религиозный опыт, полученный в семье, не позволил ему наслаждаться реальностью, ощутить вкус к ней. Она же осознала, что отношения с друзьями-католиками изменили ее собственное восприятие реальности и даже научили ее новому взгляду на вещи и на людей, которого раньше – она с изумлением призналась нам – у нее не было. Этот взгляд позволил ей сломать стену между собой и отцом, поскольку она начала понимать: отец не пережил тот опыт и те встречи, которые помогли ей задуматься о том, чтобы вновь впустить его в свою жизнь. Тем временем ее мать тяжело заболела и сейчас нуждается в постоянной помощи. Примерно четыре года назад наша подруга довела до логического завершения путь по направлению к отцу (его к тому времени бросила женщина, и он начал пить). Она встретила с ним и предложила вернуться домой. Так он и поступил, и вот уже три года заботится о своей жене двадцать четыре часа в сутки. Наша подруга добавила одну вещь, которая кажется мне важной. Она сказала, что этот выбор нельзя сделать раз и навсегда: каждый день она чувствует себя вулканом, в чьих недрах клоочет лава обиды и боли, которые вот-вот извергнутся. Однако гораздо полезнее каждый день наблюдать за отцом в отношении с матерью и видеть плоды прощения. Услышав этот рассказ, я подумал о письме нашего друга заключенного и о его взгляде, полном милосердия к охранникам, которые его обыскивали. Это окончательно подтвердило для меня то, о чем ты говорил в «Первой странице»: «Основная причина нашей дружбы – в свершении сердца, лишь свершение сердца отвечает на ничто, в нем победа над нигилизмом одержана именно в силу переживаемого нами опыта».

Вначале не было ни отца, ни дочери. В чем же разница между ними? В том, что для дочери произошло событие – дружба с католиками, благодаря которой она стала иначе воспринимать саму себя и окружающую реальность. Не случись этого, она тоже могла бы жить так, как, по ее словам, жил ее отец, и нынешнее сознание не нашло бы воплощения в ее жизни. Только отдав себе в этом отчет, она начала смотреть на отца, уже не осуждая его за содеянное и понимая: с ним не произошло то, что произошло с ней. Принадлежность определенному месту изменила ее взгляд на реальность. Отдельно взятая история, принадлежность конкретному месту, конкретным лицам, изменили ее, и взгляд, полный морализма, постепенно сменился иным взглядом. Она осознала, что, возможно, в детстве отец не пережил опыта, который позволил бы ему открыться перед лицом действительности, как это случилось с ней. В результате она перестала обвинять его и встретила с ним, чтобы посмотреть на него так, как когда-то посмотрели на нее. Все просто. Это и есть принадлежность, меняющая все. Вот почему, как мы говорили в прошлый раз, именно частный случай (история «да» Петра, или история этой девушки или история любого из нас) является краеугольным камнем нового представления о человеке, нашего способа смотреть на самих себя и пребывать в реальности. Одна наша подруга, которая не смогла сегодня приехать, задала вопрос о смысле еще одного слова – «уверенность». «Работа над “Первой страницей”, уж не знаю почему, рождает в нас множество вопросов, чего уже давно не случалось – по крайней мере, таким образом. Например, выявилось огромное желание уверенности. Кто-то говорил, что мы нуждаемся в уверенности, но

постоянно сталкиваемся с нашей хрупкостью, с каждодневными трудностями». Обстоятельства жизни выявляют недостаток уверенности. Не то чтобы раньше его не было, но теперь мы можем со всей нашей свободой смотреть на него. Казалось бы, ерунда, но на самом деле есть разница. Шаги, которые мы совершаем, направлены на то, чтобы принять и нашу хрупкость, и наши вопросы, и начать смотреть на них и проделывать путь, помогающий нам находить ответы. Однако как достигается уверенность веры, о которой мы говорим? Является ли она плодом некой работы?

Я переживаю очень болезненный период и нуждаюсь в твоей помощи. В последние годы у меня возник вопрос, который становится все более острым и драматичным. Почему сердце желает того, что, как потом оказывается, не предназначено для него? Почему Иисус позволяет сердцу желать чего-то, и ты идешь до самой сердцевины твоего желания, поскольку видишь в нем возможность для тебя, а потом Он решает не исполнять его? От этого бывает очень больно, и мне крайне сложно поверить, что даже боль может содержать в себе благо... Возможно, на словах я согласна, но в глубине души сомневаюсь. Несмотря на это, Он не устает являть Себя в моей жизни (в маленьких и простых фактах), словно говоря мне: «Посмотри, Я действительно принимаю тебя близко к сердцу, Я не забыл о тебе». Вчера, к примеру, я возвращалась с работы, изнуренная, мое сердце переполняло беспокойство и вдруг «случайно» я встретила нескольких подруг. Уже только увидеть их лица, заметить, каким благом они являются для меня, было облегчением, и я вернулась домой более спокойной. Тебе когда-нибудь случалось в детстве входить в твою комнату, приведенную в порядок, и тут же понимать: «Тут побывала мама!»? Вчера со мной произошло именно так. Я разглядела Его прикосновение, я так прямо и сказала: «Это, конечно же, Ты». Я ощутила облегчение и уже не чувствовала себя одинокой, я вновь поняла, что любима. В течение недели случается множество подобных благодатных событий, однако я понимаю, что их недостаточно, поскольку каждый новый день (а порой достаточно и минуты) боль возвращается, оживает сомнение, и я начинаю тонуть. Я не хочу жить так – от взлета до падения, и понимаю, что необходимо проделывать работу. Но какую?

Какую? Мы вернулись к вопросу о работе, позволяющей нам достичь желанной уверенности. Уверенность – исключительно плод работы? Является ли она уделом самых удачливых, тех, кто встречает свидетелей? И еще: «Мне очень сложно поверить, довериться». Так случается, поскольку порой Иисус позволяет тебе желать чего-то, а потом не отвечает или отвечает не так, как ты себе представляла. Однако, несмотря на это, мы не можем не признавать, как в определенные моменты происходящее свидетельствует о присутствии Христа: это может быть встреча или какой-то совершенно неожиданный факт. Тогда мы начинаем осознавать, что требуется работа, как пишет мне еще одна наша подруга. «Расскажу очень простую историю. В “Первой странице” меня очень поразило, что ты, объясняя смысл свидетельства, говорил о бесплодности [для кого уверенность – для самых удачливых, для тех, у кого все получается?]. Ты утверждаешь, что свидетельство есть прежде всего “свидетельство Христа в нас”, а все остальное – следствия. Меня это поражает, поскольку я вижу, как в моей жизни свидетельство осуществляется именно через мою бесплодность. Я признаю, что Господь действует, когда моя бесплодность превращается в плодовитость. Мне не нужно воплощать в жизнь бог знает какие планы или доказывать бог знает что. Необходимо только открыть Его свидетельство во мне. Приведу пример [пример такой работы, доступной каждому]. Недавно вечером я была очень грустной. Мне предстояло сесть на поезд и вернуться домой, где никого не было – ни родителей, ни сестры. Никто меня не ждал. Я должна была поужинать, добравшись перед этим до дома от станции: в одиночестве, пешком, по холоду. В общем, безрадостная картина. Казалось, мое

состояние только ухудшится. Садясь в поезд, я решила: “Сейчас, в ближайшие сорок пять минут в пути, я посплю и больше не буду об этом думать”. Меня поразило, что тут же в голове мелькнула другая мысль: “Хорошо, ну посплю я, потом проснусь. И что, моя проблема разрешится? Я всего лишь отложу ее на три четверти часа, но ничего не изменится”. Конечно, можно было и поспать, чтобы отдохнуть, ведь я устала, но это было бы все равно что сказать: “С меня довольно!” Такой способ борьбы с грустью ни к чему бы не привел. Проблема не просто не исчезла бы, но и обострилась. Поэтому я подумала: “Есть ли у меня какой-то другой, более интересный способ побороть грусть и провести время?” [пусть каждый подумает, какие он знает более интересные способы. Может, какое-нибудь голливудское зрелище?]. Я достала текст школы общины и стала читать ее. Меня поразило многое, но особенно – то, что ты говорил про бесплодность, поскольку я узнала в описании себя: “Это я, я неплодная женщина, а Ты, Господи, являешь Себя именно через мою бесплодность. Из моего ничто произрастает новизна, которую Ты несешь”. Я осталась под большим впечатлением, это было столь явное признание природы Его, Христа, свидетельства в моей жизни, что я словно очнулась [достаточно оставить хотя бы щель и позволить чем-то другому войти в нас]. Я прочитала весь текст школы общины взахлеб, с изумлением, которых никогда и представить себе не могла, останавливаясь на каждой фразе. А потом вернулась домой пешком, по холоду, вприпрыжку, ощущая в себе дерзновение, пробужденное новизной, которую я признала в моей жизни. Было побеждено и последнее сопротивление – мои попытки думать о собственной несообразности (я ощущаю эту проблему во всем, чем занимаюсь), ведь Другой сказал мне: “Новизна состоит в том, что Я пришел ответить на твою драму, ответить из глубины твоей несообразности, твоего несоответствия”. Какой переворот! Теперь я понимаю, почему ты говоришь об удивлении: когда я признала Его, грусть превратилась в дерзновение, бесплодность стала плодовитостью, а одиночество, которое, как я думала, ожидало меня дома, оказалось возможностью диалога с Ним. Поэтому, вернувшись и поужинав в одиночестве, я не была одна». Христос не отвечает на наши мысли, так как хочет дать нам нечто большее, нечто более важное, то, что по-настоящему отвечает на самое глубинное наше желание. Почему же тогда мы не доверяем? Почему нам порой так трудно довериться тому, что мы видели, к чему прикоснулись в нашей жизни? Почему перед лицом множества фактов мы не доверяем?

У меня из головы никак не выходит последняя школа общины и в особенности первое и последнее выступления, которые, на мой взгляд, тесно связаны. В последние две недели у меня в жизни произошли события, позволившие мне кое-что понять. Сын моего брата должен был пройти обследование, у него подозревали заболевание костей. Результаты мы получили не сразу. Все это время ожидания я ощущал неуверенность и страх и даже вынужден был спросить себя, куда делась мой путь, мой опыт, моя работа, моя вера, если достаточно такой малости, чтобы лишить меня всей той уверенности, которая, как я думал, у меня имелаась. В сложившихся обстоятельствах я вдруг понял, как мало знаю реальность, себя самого и происходящие события, и насколько уверен, что мне уже все известно. Последнее выступление на прошлой школе общины, касавшееся «да» Петра, мне кажется, указывает на единственный способ начать подлинный путь познания, который для меня часто прерывается, отчего рождаются страх, неуверенность и уныние. Со мной происходит следующее: часто меня поражают люди и факты, о которых они рассказывают, но редко – то, что поражает этих людей...

Будьте внимательны!

Их поражает то, что всему предшествует. Как же я надеюсь познать самого себя и происходящие события, если не знаю Того, Кто стоит у истоков меня и всего, что случается? Вот почему, как мне кажется, путь познания фактов, перестающих быть чем-то одноразовым (как говорилось на прошлой школе общины) и составляющих тебе компанию, в отсутствие истока, породившего и продолжающего порождать их, прекращает быть подлинным путем и превращается в непрерывную череду претензий, от которых со временем становишься печальным и одиноким. «Да» Петра никогда не казалось мне нравственным усилием, ведь Петр в какой-то момент в силу совершенных предательств словно почти лишился нравственности. Подобно ему, и я совершаю множество предательств. Он говорил свое «да» чему-то, что всему предшествовало в его жизни, и это было для него единственной возможностью признавать самого себя и то, что с ним происходило. Мог бы ты лучше объяснить, как достичь позиции, в которой рождается такое «да», в которой рождается новый способ познания?

А как ты сам отвечаешь? Чего, по-твоему, нам не хватает и почему, несмотря на все происходящее, это «да» порой не рождается?

Часто я считаю само собой разумеющимся то, что всему предшествует.

А что всему предшествует?

Мое отношение со Христом.

То есть исток происходящего. Если мы в событиях не признаем порождающий их исток, так почему мы должны доверять им и как они могут разрешить наши проблемы? Как мы можем довериться? Только осознавав, что в фактах, в лицах, в обстоятельствах, во время школы общины, при чтении текста нам навстречу выходит присутствие Того Единственного, Кто в состоянии побудить нас к изменению, спросив: «Любишь ли ты Меня?» – «Да». «Да», нравственность, движение свободы возникают – утверждал отец Джуссани – только перед лицом Присутствия. Дело в том, что, как говорила наша подруга, выступавшая до тебя, когда мы возвращаемся к себе в комнату и видим в ней чистоту и порядок, мы не можем не сказать: «Тут побывала мама». Так в нас рождается привязанность к маме, которая не оставляет нас в одиночестве. Мы не должны думать, будто комната пришла в порядок сама собой, словно по волшебству, или считать поразивший нас факт лишь результатом чьих-то особых способностей, а не свидетельством об истоке, о том, что всему предшествует. Если мы не доходим до веры, то есть до признания присутствия, прикасающегося к нам в настоящем посредством фактов, то факты не оставят в нас и следа, и в каждой новой ситуации я буду словно лишен того, что увидел ранее. Это не означает, что, раз я уже однажды увидел Христа, мне больше не нужно всякий раз снова входить с Ним в отношение и признавать Его. Важно, что однажды увидев, я уже не воспринимаю себя одиноким. Так, когда мы сознательны, эта история постепенно проникает в наше существо, и мы замечаем, что пребываем в реальности по-новому.

У моего папы случился инфаркт, в результате которого он остался парализованным и не может ни есть, ни говорить. Это событие выявило вопрос о смысле, присущий сердцу и в данный момент поражающий меня, поскольку уже давно я не ощущала его столь остро и с таким драматизмом. Сразу же передо мной встала проблема познания. Почему произошло все это? В тот вечер, пока я ехала в отделение скорой помощи, мне странным образом пришло в голову, что Христос через случившееся призвал меня, просил о моем «да», пробуждая меня от оцепенения, в которое я впала. Эта мысль помогала мне ощущать Его близость и успокаивала меня. Я не могла не признавать, что в полной боли ситуации Он уже

присутствовал, поскольку опыт умиротворения был слишком очевиден. В эти пятьдесят дней во мне господствовало желание понять, познать, увидеть Его, поскольку перед событием, настолько превосходящим меня, нельзя предстоять ни за счет того, что уже знаешь, ни за счет твоих благих намерений, ни за счет религиозных речей. Глядя на себя и на свои действия, я замечала, что меня обычно определяют два подхода к реальности. Первый опирается на мою идею о том, как должен бы себя чувствовать папа, в чем он нуждается, как ему хотелось бы, чтобы его лечили, как он должен бы вернуться к нормальной жизни. Однако всякий раз, приближаясь к его палате с такими мыслями, я начинаю задыхаться и меня охватывает сильнейшее беспокойство. Порой я даже не в силах войти, ведь реальность не меняется ни на йоту. Второй же взгляд имеет иной исток, наполненный историей, призванием, вплоть до памяти о том, как я ехала в отделение скорой помощи. Благодаря ему я становлюсь по-настоящему свободной и радостной, и происходящее, спит ли мой папа или бодрствует, узнает меня или нет, не подавляет меня, а становится частью моего диалога с Тайной. Все математически точно: когда я захожу в палату, стремясь признать Христа, я начинаю видеть то, чего не вижу в других случаях. Или, лучше, я вижу, что по сути все вещи благи, о чем, например, говорит лицо моего папы, свидетельствующее не только о страдании или растерянности, но прежде всего о том, что он есть, он живой – пострадавший и претерпевший, но живой, а значит, в тот самый момент его порождает Другой. Однажды папа был рассержен и без перерыва жестами просил меня уйти. Тогда я села в угол палаты, где он не мог меня увидеть, и приняла вызов. Я не хотела сбегать в жалобах, мне нужно было понять, откуда рождалась его реакция, а чтобы понять я должна была подчиниться тому, что было передо мной. Я наблюдала за ним и увидела, что он исступленно двигал неповрежденной ногой. Тогда я тихо спросила, не хочет ли он заняться гимнастикой. Мне удалось угадать папину потребность, и его взгляд прояснился. Никогда я не ощущала на себе такой взгляд с его стороны, и это тронуло меня. Стало ясно, что Христос вновь явил Себя. В чем нуждался мой отец? В гимнастике? Или в том, чтобы почувствовать себя понятым в своей нужде, любимым таким, каким он был в тот момент? И в чем нуждаюсь я сама, если не в том же самом? Тот притягательный взгляд покорила меня, и я не променяла бы его ни на какой другой взгляд моего отца, даже самый теплый, которым он когда-либо смотрел на меня.

Вот принадлежность, способная в определенный момент породить взгляд, который позволяет увидеть то, о чем иначе и нельзя было бы и мечтать. Мы не знаем, сколько нам потребуется времени, но такой взгляд возможен. Он возможен. И это определяет все, а потому и каждое наше дело или занятие имеет своей целью порождение такого «я», том числе и подготовка к референдуму.

Я хочу поблагодарить тебя за работу, которую Движение предлагает нам, в частности в связи с референдумом. В прошлый понедельник на школе общины мы работали над листовкой Движения, выпущенной по этому случаю, и возник напряженный момент. Я расстроился и не знал, как реагировать. Чуть позже для меня стало очевидно следующее. Мы первые «больны диалектикой». Нам необходимо приложить усилия, чтобы вновь научиться вести диалог. Непонимание между нами возникло потому, что, пока один говорил, другой был уже убежден в чем-то еще. Листовка – путь, а не предпосылка. Я тоже поначалу никак не мог понять, почему была выбрана такая «мягкая», такая неявная позиция. Сейчас же я признаю, что она основана на уверенности, и поэтому мы не должны ничего навязывать, а лишь предлагать взгляд, в котором отражался бы взгляд Христа. Действительно, культурная позиция всегда рождается от принадлежности. Когда же принадлежность охладевает, мы попадаем в плен экспертов, инстинктов или же тоски по схемам, бытовавшим в прошлом.

Думаю, можно сказать (поправь меня, если я ошибаюсь), что подобный взгляд всегда ставит нас в позицию защиты и, в конце концов, мы окажемся против выхода в мир, к которому призывает нас папа. Никто из нас не может самонадеянно утверждать, будто знает верный ответ. Кроме того, существует риск притворной открытости, якобы положительной, но по сути фальшивой. Открытость, о которой говорим мы, может появиться, только когда мы молим, просим о сердце другого человека. На следующий день после школы общины, несколько растерянный, но благодарный, я позвонил «экспертам», решившим голосовать отрицательно, чтобы поблагодарить за вклад, внесенный ими в обсуждение. Знаешь, почему меня обрадовали эти открытия? Потому что я немного лучше понял метод Бога, метод отца в отношении блудного сына, заключающийся в ожидании другого, столь сильном, что можно отказаться от всего, что составляет тебя: от принципов, от правил, от гордости, вплоть до политических убеждений, ради поиска более великого блага и подлинного общения. Так я ощутил огромное обещание, заложенное в отношениях с моими детьми. Возможно, придется нелегко, но какое же это захватывающее предложение моей и их свободе! После встречи, посвященной референдуму, мы решили написать друзьям по школе общины и поделиться с ними возникшими в ходе разговора соображениями. Вот что у нас получилось: «Во-первых, хотим отметить благодарность за произошедшее. Встреча остается живой по благодати, и нам было даровано присутствие некоторых друзей, за что мы благодарны, ведь они, без сомнения, помогли нам лучше разобраться в вопросе. Просим, чтобы наша школа общины всегда стремилась к такому уровню серьезности и вовлечения в жизнь и была открыта всем. Во-вторых, листовка Движения является свободным и личным предложением. Это единственный и незаменимый способ более глубокого, истинного и насыщенного познания жизни. Мы упустили лучшее, если сведем содержание листовки к тому, что нам уже известно, и сразу же перейдем к выводам. В качестве проверки спросим себя, готовы ли мы изменить мнение, когда встречаемся с более интересным и соответствующим нам доводом? Не боимся ли мы утратить уверенность прошлого, открыты ли мы новым началам? В-третьих, на карту поставлен не только нынешний референдум. Необходимо вновь перейти от диалектики к диалогу. В этих обстоятельствах скрыто сокровище – возможность научиться “быть вместе” с любимыми людьми, от близких знакомых до первых встречных, от учеников до коллег. Позиция, опирающаяся на правильные принципы, но не влияющая на историю, идеологическая при ближайшем рассмотрении и замкнутая в самой себе, не поможет миру и, что еще важнее, не поможет нам. Лишь открытость в отношении другого, полная симпатии и лишенная предрассудков, допускающая жертвование собой ради общего блага, позволит преодолеть различия и безразличие и донести до людей самое дорогое, что есть в нашей жизни, – Иисуса».

Спасибо. Подобные обстоятельства могут открыть перед нами путь. А что происходит, когда жизнь бросает нам еще более драматичный вызов и случаются такие события, как землетрясение?

Тогда задействуется вся твоя личность, со всей ее хрупкостью и всеми вопросами, на которые, казалось, у тебя уже были ответы. За последние девятнадцать лет мы второй раз лишились дома по причине землетрясения (вполне хватило бы и одного!), и нам уже недостаточно ограничиться мыслями о том, что нужно вновь приниматься за созидание, возвращаться к нормальной жизни. Мало наклеить христианский ярлык на страдание. Вопрос о том, благодаря чему мы еще держимся на ногах, что нас спасло и как признавать Его, встал особенно остро, во всех нюансах, удручавших нас и порой чуть ли не вгонявших в депрессию. Никакие усилия – мои собственные, а также моей семьи или друзей – не могли заполнить

образовавшуюся пустоту. Моя жена сразу же ощутила обращенным к себе вопрос, заданный Христом Петру: «Любишь ли Ты меня в этих обстоятельствах?» – но не знала, как на него отвечать. Один наш друг, священник, сказал ей по телефону: «Чтобы ответить, нужно проделать путь». Наш путь начался плохо и тяжело. После второго толчка, еще более мощного, мы в страхе бежали за семьдесят километров от дома, на побережье, вместе с тысячами других людей, в атмосфере настоящего исхода. Нам хотелось созвониться с друзьями и знакомыми, ободрить друг друга (это нормально). Мы были благодарны за то, что спаслись, тронуты тем, как нас принимали, но в то же время ощущали собственные неуверенность, хрупкость, беспомощность, неспособность и несоответствие, страх, бесполезность. Нас переполняли растерянность и нерешительность, и мы спрашивали себя, разве не должна была встреча, произошедшая в нашей жизни, уберечь нас от этого? Куда она подевалась? Мы почти стыдились охвативших нас ужаса и боли, стыдились нашего бегства, но не стали делать вид, будто все в порядке. И это от многого нас уберегло и, думаю, до сих пор уберегает. Мы не стали притворяться, вещь друзья приняли нас такими, какими мы были на тот момент. Когда я пытался успокоить мою дочь, говоря ей, что со временем все встанет на свои места, она вдруг в раздражении сказала: «Моя подруга нужна мне сейчас!» А наши сыновья нашли какую-то точку опоры, позволившую одному из них сказать: «Условия изменились, но я остаюсь самим собой», – а другому – вернуться в зону землетрясения волонтером и, несмотря на страх, утверждать, что в конце концов землетрясение – своего рода ускоритель. Счастливые! По мне, так это слишком мощный ускоритель, однако, благодаря нашим детям, мы смогли сделать первый шаг (например, позвонить некоторым людям, помогавшим нам, чтобы побыть с ними минут десять). И все же вопрос остается тем же: как признать во всеобщем и личном хаосе присутствие Того, Кто сотворил нас, встретил нас, сделал нас христианами. Мы не могли не задаваться им, поскольку ничего уже не было само собой разумеющимся. Тридцать первого октября мы устроили семейный обед, на который пришел друг одного из моих сыновей. Ничего особенного, просто поели вместе. День спустя наш гость написал: «В вас есть уверенность, какую я не видел ни в ком из потерпевших – даже в тех, кто потерял меньше вашего. Вы аномальны и знаете, с чего начинать заново». Я позвонил ему: «Что ты такое говоришь? Я и сам не знаю, где моя уверенность, и чувствую себя опустошенным». Моя жена тоже говорила: «Мы опустошены». Через неделю к нам приехала подруга с мужем, и все опять-таки прошло очень просто. Потом она написала: «Ваше спокойствие свидетельствует об уверенности в том, что нерушимо, – в Христе, живущем среди вас. Нам необходимо видеть ее, и вы нам ее продемонстрировали. По вам видно, что ничего другого вам не требуется». Нас поразили ее слова, ведь, как нам казалось, у нас не было ничего. Еще через неделю к нам заглянула другая подруга, впоследствии написавшая: «Говорить с вами – настоящее утешение для меня». А сын соседей сказал: «У вас не такие лица, как у моих родителей». Еще один человек, отметив, как мы живем и о чем говорим, спросил: «Прости, тебе это кажется нормальным?» И наконец, знакомый, который привез меня сюда на машине, сказал мне примерно то же самое. Поначалу нас все это почти раздражало, и мы думали: «Что же они видят такого, чего мы не видим?» Однако постепенно мы осознали, что эти люди словно вернули нам самих себя и напомнили о том, какое отношение нас образует. И мы сами сказали им об этом. Возник своеобразный круг помощи – не знаю даже, как лучше выразиться. Я нуждаюсь в пространстве свободы, где мне говорят (как Проспери, когда он приехал в Марке), что можно даже испытывать страх, но иначе. Ты сказал: «Мы плачем, как и все остальные». Да, мы плачем, как все, но иначе – это очевидно. Так я понял, что такое форма, выражение: Тот, Кто пребывает во мне, связан и с формой, и с выражением; Тот, Кто пребывает во мне, вновь дает мне Себя руками людей, в их лицах и

в пространстве свободы. Потом Бог возрастит то, что должно вырасти: возможно, в какой-то камерке под лестницей, но не это важно.

Ты сейчас исчерпывающе описал нам конечную причину принадлежности. Когда все рушится и возникает вопрос: «Разве встреча не должна была спасти меня от этого?» – ты замечаешь, инаковость, которую несешь в себе и которую раньше не вполне осознавал. В сложившейся ситуации ты ясно понимаешь, что не в силах породить ее сам. Поэтому окружающие тебя люди увидели ее до тебя и рассказали тебе о ней, об этой инаковости, которая есть в тебе, несмотря на те же страхи, что и у других. Они не ошибаются, они улавливают в вас нечто более глубокое, нежели страх, более глубокое, нежели психологическая установка, нечто, способное затронуть самую сердцевину «я» и у вас самих вызвать удивление. Кто дает свидетельство? Где соответствие? В предельном несоответствии, в совершенной бесплодности вдруг появляется Тот, кто свидетельствует о Себе через нас и зовется Христос. Но как Христос достиг нас? Через частный случай, через место принадлежности, позволяющее нам признавать Присутствие, сотворившее нас. Это ровно то, о чем мы читали в начале встречи, цитируя определение принадлежности, данное отцом Джуссани. Мы вместе исключительно ради этого, таково наше самовыражение в культуре. В сложных жизненных ситуациях другие люди говорят нам, какой вклад мы вносим в жизнь мира и что делаем, и таким образом помогают нам осознать в чем наша инаковость. И это изумляет нас и пробуждает благодарность, как написал нам еще один наш друг, который занимался восстановительными работами в районе землетрясения. Когда он собрался вернуться домой, кто-то сказал ему: «“Слушай, тут жители Норчи, работавшие вместе с тобой, хотят тебе сделать подарок”. Им оказалась сумка, полная чечевицы. У меня не было слов. Я направился к машине, и тут мне говорят: “Знаешь, здесь раньше никому ничего не дарили”. Чуть позже я пошел попрощаться с инженером, возглавлявшим технический отдел. И он: “За короткое время ты стал для всех примером. До тебя в эти два месяца был только один человек, которому я такое сказал. Ты должен бы остаться еще на две-три недели. А если не вернешься, мы попросим самого мэра позвонить тебе!”». Другие люди замечают в нас то, что для них представляет интерес, и говорят нам об этом. Когда так происходит, мы не превращаемся в клоунов, а становимся присутствием, несущим надежду для всех. Вот свидетельство, которое Он дает о Себе. Однако, не дойдя до подлинного истока такой инаковости (никто не может утверждать, будто она – плод наших усилий), перед лицом жизненных вызовов мы окажемся безоружными, не готовыми их принять. Признавая же его, мы не можем не испытывать благодарность. Благодарность! Тогда-то выявляется весь драматизм вопроса: «Любишь ли ты Меня?». И это не «любишь ли ты Меня» вообще. «Любишь ли ты Меня, когда Я прихожу к тебе в конкретных лицах, в конкретной компании, в принадлежности, позволившей тебе стать таким?» Христос позволяет нам понять смысл принадлежности, творя место, где принадлежность Ему становится событием для нас и для других и порождает симпатию, открывающую нас навстречу всем без какого-либо страха.

Следующая школа общины состоится в среду, 21 декабря. Мы завершили работу над «Первой страницей» и возвращаемся к книге «Зачем Церковь». Начнем читать второй раздел – «Действенный знак Божественного в истории. Как Церковь определила себя». «Действенный знак»... Теперь мы лучше понимаем, в чем его действенность. Нам предстоит углубить все то, что мы услышали сегодня вечером. Если мы отрываем содержание текста от услышанного сегодня вечером, то нам останутся ничего не говорящие, пустые слова. Если слова кажутся нам пустыми, то не потому, что они таковы – просто мы отрываем их от происходящего.

В ближайший месяц будем работать над введением ко второму разделу и первым пунктом первой главы (С. 133–143), которая называется «Человеческий фактор», ведь Божественное действительно сообщается нам через человеческое.

Школа общины помогает нам проверить, насколько вера связана со всем, что мы видели. Так наш опыт становится критическим и систематичным суждением обо всем.

Напоминаю, что вопросы и свидетельства необходимо направлять по адресу sdccarron@comunioneliberazione.org. Срок для писем на иностранных языках – вечер пятницы, предшествующей встрече, на итальянском – вечер воскресенья. Прошу вас указывать номер мобильного телефона, чтобы, в случае необходимости, мы могли связаться с вами и пригласить вас выступить лично.

На рождественском плакате в этом году воспроизведена фреска Джотто, дополненная цитатой святого Бернарда Клервоского. «Восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас». Иисус мог бы послать нам какую-то помощь и не приходить лично, как предложил Ему сотник: «Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф. 8, 8). Он мог помочь нам с неба, отказавшись от Воплощения... И все же «восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас». Прочитаю цитату целиком, чтобы вы начали понимать, почему мы выбрали именно ее: «Вы, лежащие во прахе, пробудитесь и воздайте хвалу, ибо грядет Врачеватель больных, Искупитель пребывающих в рабстве, Путь заблудших, Жизнь умерших. Грядет Тот, Кто ввергнет в морскую пучину все наши грехи, исцелит все наши недуги, Кто на плечах Своих донесет нас до истока нашего достоинства. Велико это могущество, но еще чудеснее милосердие, ибо так восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас».

Veni Sancte Spiritus